

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И. М. САВЕЛЬЕВА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ: «RETURN TO THE REAL»¹

Теория исторической науки претерпевает сегодня очередную трансформацию. На смену завершившемуся лингвистическому и культурному поворотам идет новая парадигма, которую с необходимой осторожностью можно назвать «возвращением к реальному». Происходящая смена эпистемологических ориентиров отличается беспрецедентным интересом историков к проблемам исторического времени, причем она позволяет говорить о радикально новом видении не только исторического времени, но и исторического пространства. В первой части данной статьи представлены некоторые направления радикальных новаций в теории истории, наметившиеся буквально в последние годы, вторая часть содержит анализ новых подходов к историческому времени.

Ключевые слова: «поворот к реальному», история и теория, реализм, антиреализм, историческое время, модерн, прошлое, мультитемпоральность

От сциентизма к «культурным войнам»

В истории идей трудно проводить границы даже ретроспективно, но применительно к исторической науке XX в. представляется возможным определить разрывы по десятилетиям. Первый такой водораздел в XX в. – настоящая научная революция в историографии. 1960–1970-е гг. оказались необычайно динамичным периодом для социальной науки в целом и для истории в частности. Это было время, когда происходила активная сциентизация истории с опорой на структурно-функциональный анализ и системный подход: когда теории были эксплицитными, законы универсальными, подходы макроисторическими, методы точными, «нарративы большими». Представление о научности исследования отсылало к таблицам, схемам, статистике и точным наукам и, соответственно, к математическим методам (клиометрика). Во всяком случае, в той части историографии, которая считалась и называлась «новой научной» – само определение свидетельствует о многом².

Однако период доминирования «новой научной истории» оказался недолгим, *Zeitgeist* установился постмодернистский и постструктура-

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Репина 2011; Савельева 2017.

листский, на смену «новой научной» пришла культурная история. Она существовала в очень разных изводах (лингвистический и визуальный повороты – важнейшие из них), но уводила от строгой научности. В связи с этим в конце 1970-х появился диагноз о «прогрессирующей деменции» дисциплины, данный Тони Джадом³. Но настоящие «культурные войны» разгорелись на рубеже 1990-х. В это время ожесточение представителей противостоящих лагерей было велико, и, как написал много лет спустя Джеф Эли, «пространство эффективных раздумий о действительно важных проблемах безнадежно сузилось из-за взаимоисключающего эпистемологического выбора, который стремились навязать сторонники и противники постструктурализма»⁴. Представление о накале страстей дают дебаты на страницах ключевых исторических журналов⁵, а также некоторые автобиографические сочинения ведущих историков, появлявшиеся с конца 1990-х и до последнего времени⁶.

«Культурная» историческая программа реализовала сдвиг от макро к микро, от причинности к случайности, от универсального к индивидуальному, от реального к релятивному, от дуалистических оппозиций (буржуазия/рабочие, аристократия/простонародье, город/деревня, модернизация/традиция) к изучению социальных траекторий, культурных обменов, множественных идентичностей. При этом теоретического обновления истории, сколько-нибудь сопоставимого даже с любым из десятилетий второй половины XX в., на рубеже веков не происходило – ни на уровне внедрения новых «сильных» концепций, ни в сфере теоретической рефлексии. Развернутое обоснование этого тезиса содержится в моей статье «Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт»⁷, предлагавшей ревизию теоретического состояния исторической науки за 1990–2000-е годы.

Мой анализ начинался с обзора журнала “*History and Theory*”, который для историков служит главным ориентиром в высоких сферах «теории истории». Следует подчеркнуть, что речь идет не просто о ведущем журнале по теории истории, но о международном издании, которое отражает ситуацию не только в англоязычном мире, что под-

---

³ Judt 1979. P. 89.

⁴ Elye 2005. P. 158.

⁵ См.: Scott 1986; Stone 1991. P. 217–218, с последующей полемикой на страницах журналов «*American Historical Review*» и «*Social History*»: Joyce 1991 204–209, Kelly 1991. P. 209–213; Stone 1992. P. 189–194, Spiegel 1992. P. 194–208; Mayfield, Thorne 1992. P. 165–188; Lawrence, Taylor 1993. P. 1–15; Joyce 1993. P. 81–85; Joyce 1995. P. 73–91; Joyce 1996. P. 96–98; Mayfield, Thorne 1993. P. 219–233; Easthope 1993. P. 235–249; Vernon 1994. P. 81–97; Kirk 1994. P. 221–240; Boyd 1995. P. 93–100; Eley, Nield 1995. P. 355–364; Steinberg 1996. P. 193–214.

⁶ Steedman 1986; Davis 1997; LaCapra 2004; Eley 2005; Spiegel 2007; Lerner 2009.

⁷ Савельева 2012.

тверждается и его высоким импакт-фактором (I квартиль WoS) и интернациональным составом авторов. В целом ведущие научные журналы в любой области являются прекрасными индикаторами состояния дисциплины и ее отдельных направлений, как и состояния сообщества, господствующих в нем конвенций относительно критериев производства и признания нового знания. Названия тематических номеров, проблематика статей, стилистика вводных «обращений от редактора» позволяют быстро расставить маркеры на поле теоретических поисков, указывают на новые области исследования, обозначают междисциплинарные перекрестки. Журнал “*History and Theory*”, проанализированный за 1990–2000-е гг., указал на происходившую с 1990-х смену тематических приоритетов и даже на размывание границ между научной и не вполне научной историей. Поражало изобилие статей о кино, опере, фотографии, сериалах, исторической памяти, «неконвенциональной истории» и прочих сюжетах, типичных для «культурных исследований». Красноречивым свидетельством был и читательский интерес к этим темам, зафиксированный в списках самых популярных статей. Столь же очевидным было отступление на второй план и даже исчезновение традиционных «больших» теоретических тем, таких как историческое время, историческая истина, исторический нарратив, традиция, социальные структуры и институты, историческая личность и т.д. Последовавшее внимательное изучение большого массива литературы за те же примерно 20 лет (1990–2000-е гг.) подтвердило наблюдения, сделанные на основе материалов “*History and Theory*”, хотя занятия социальной историей и размышления о том, является ли история социальной наукой, привели в последние годы к более оптимистичным выводам.

Все же недавно я вернулась к вопросам теории в истории, просмотрев выпуски “*History and Theory*” с 2010 по 2017 гг. Решение оказалось своевременным, а результаты стимулирующими. Уже названия тематических номеров за эти годы показали совершенно новую картину (или возвращение к старым важным темам теории исторической науки).

Вставка 1

Названия и номера (в обратном порядке) тематических выпусков за 2010–2015

<i>Theme Issue 54: 2015</i>	Words, Things, and Beyond: Foucault’s Les mots et les choses at 50
<i>Theme Issue 53: 2014</i>	History and Theory in a Global Frame
<i>Theme Issue 52: 2013</i>	Does History Need Animals?
<i>Theme Issue 51: 2012</i>	Tradition and History
<i>Theme Issue (Virtual Issue): 2012</i>	Forum on Metaphysics of Time
<i>Theme Issue 50: 2011</i>	Historical Distance: Reflections on a Metaphor
<i>Theme Issue 49: 2010</i>	History and Theory: The Next Fifty Years

Среди важнейших для журнала историко-теоретических проблем в последние годы нет исторической памяти, фотографии, гендера, неакадемических форм истории, зато вернулись традиционные историко-философские сюжеты и появились новые, связанные с «естественно-научным» поворотом в социальных науках. Новая ориентация журнала достаточно ясно декларирована в словах его очередного редактора Этана Клейнберга во введении к знаковому номеру о метафизике времени: «Авторы этих работ стремятся компенсировать те недостатки, которые они усматривают в чрезмерном внимании к проблематике «языка» и репрезентации, из-за чего мы перестаем ясно видеть свою цель – познание прошлого – и двигаться к ней, подменяя задачу изучением того, какими средствами мы подходим к ее решению. Если же учесть еще и растущий интерес к материальной культуре, к путям развития естественных наук и к природе тела, то едва ли останется сомнение в том, что происходит возвращение к реальному»⁸. Слово «real» в рассуждении Клейнберга является ключевым. И, если обратиться к семантике понятия «real», то здесь подходят многие смыслы: реальный, действительный, вещественный, фактический, настоящий, а для историков-реалистов приемлемым будет также: истинный и сущий.

Конечно, факт смены редактора означает немало. Для ведущего журнала это особенно важно⁹. Но ведь новым редактором стал не теоретик исторической памяти Элко Руниа, и не Алайда Ассман. Им стал историк Этан Клейнберг директор Центра гуманитарных наук Уэслейнского университета, автор *Generation Existential: Martin Heidegger's Philosophy in France, 1927-61*¹⁰ и составитель тома *Presence: Philosophy, History, and Cultural Theory for the Twenty-First Century*.

Если посмотреть на списки самых читаемых статей из «*History and Theory*» по данным журнальной базы Scopus за 2010–2017 гг., то ситуация становится еще нагляднее.

Вставка 2. Top highlights “History and Theory” 2010–2017, Scopus

Год публикации	Название документа	Авторы	Том	№.
2010	The history of emotions: An interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns	Plamper J.	49	2

⁸ History and Theory 2012.

⁹ См. также «Беседу о прошлом, настоящем и будущем журнала *History and Theory* Этана Клейнберга с его непосредственным предшественником Брайаном Фэйем». URL: <https://vimeo.com/36502249>

¹⁰ В 2006 г. книга получила присуждаемую Journal of the History of Ideas премию (Morris D. Forkosch prize) как лучшая книга по интеллектуальной истории.

2012	Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A Bourdieuan approach to understanding emotion	Scheer M.	51	2
2012	Against periodization: Koselleck's theory of multiple temporalities	Jordheim H.	51	2
2010	The return of universal history	Christian D.	49	4
2011	Forum: Holberg prize symposium doing decentered history: 1. Decentering history: Local stories and cultural crossings in a global world	Davis N.Z.	50	2
2011	Performing history: How historical scholarship is shaped by epistemic virtues	Paul H.	50	1
2012	The pasts	Roth P.A.	51	3
2014	What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires	Paul H.	53	3
2014	Entangled memory: Toward a third wave in memory studies	Feindt G. et al.	53	1
2010	A strange career: The historical study of economic life	Sewell Jr. W.H.	49	4
2011	Distance and self-distanciation: Intellectual virtue and historical method around 1900	Paul H.	50	4
2012	The incommensurability of psychoanalysis and history	Scott J.W.	51	1
2011	American history in a global age	Neem J.N.	50	1
2010	Koselleck, Arendt, and the anthropology of historical experience	Hoffmann S.-L.	49	2
2013	At home and in the workplace: A historical introduction to the "spatial turn"	Kumin B., Usborne C.	52	3
2013	From secret agents to interagency	Despret V.	52	4
2011	Why historical distance is not a problem	Bevir M.	50	4
2010	When the monograph is no longer the medium: Historical narrative in the online age	Rigney A.	49	4
2010	Challenging certainty: The utility and history of counterfactualism	Kaye S.T.	49	1
2013	The torturer's horse: Agency and animals in history	Shaw D.G.	52	4

Анализ самых читаемых, а значит самых востребованных научно-актуальных статей позволяет идентифицировать узловые направления трансформации исторической науки:

- Переосмысление категории «историческое время»;
- Глобальная история и пространственный поворот;
- «Естественная история» (холистический взгляд на историю природы и человека);
- Содержание исторической профессии и эпистемические ценности;
- Интервенционистская биография.

Поворот к реальному в разных направлениях представлен в разной степени, но то, что новый редактор Этан Клейнберг назвал «return to the real», возможно, самое главное в происходящем с исторической наукой и не только на передовых рубежах («тылы» не были столь тотально затронуты лингвистическим поворотом, релятивизацией и пр.).

«Поворот к реальному» вовсе не означает возвращения к историческому реализму, суть которого состоит в представлении, что прошлые «ищутся и находятся, а не создаются» (pasts as made and not found)¹¹. Пол Рот в своих лекциях для характеристики прошлого с позиций исторического реализма использует образ «обросшего шерстью мамонта» (woolly mammoth). Об этом доисторическом животном долго судили по костным останкам, пока однажды в Арктике не обнаружили полностью сохранившегося мамонта, вмёрзшего в лед. «Реалисты мыслят аналогично: как будто бы события прошлого навсегда вмёрзли в какую-то зафиксированную структуру, дожидаясь прихода историка, который разгребет напластования времен и представит прошлое во всем его былом великолепии»¹². От такой грубой интерпретации реальности прошлого историческая наука в целом ушла (хотя имплицитно эта идея в сочинениях части историков еще присутствует), но сегодня она уходит и от антиреализма с его абсолютным лингвистическим конструтивизмом, господствовавшим в последние десятилетия XX века.

Новая «руководящая линия» для дисциплины может быть суммирована в старой максиме «нет построения, нет референции» (no constitution, no reference). Последнее означает, что наполненное событиями историческое прошлое существует только как результат нашего теоретизирования: мы имеем дело не с «прошлым», а с «парадигмой прошлого», неким конвенциональным в каждый данный период теоретическим построением, возникающим на основе имеющихся сведений и знаний и заключающим в себе потенциал для ответа на вопрос: что говорят о прошлом новые сведения? Утверждение, что исторические

---

¹¹ Roth 2012. P. 313.

¹² Ibid. P. 314.

вопросы имеют смысл только в контексте теории, предполагает выведение событий и фактов из свидетельств согласно логике существующих конвенциональных исторических конструкций, а не произвольное конструирование, подчиняющееся лишь законам построения нарратива. Если не существовало бы «строения прошлого», опирающегося на существующие следы и размещенного в актуальном контексте, задавать новые вопросы свидетельствам было бы бессмысленно.

Время истории

Самым интересным, с моей точки зрения, в происходящем развороте является активное переосмысление проблематики «исторического времени», причем «времени», понимаемого как ключ к новым интерпретационным моделям (подходам). Время является важнейшей эпистемической категорией для исторической науки, и от его истолкования зависит любая, даже самая локальная, историческая конструкция. Два тематических выпуска в ведущем журнале за пять лет – это невиданная плотность, но и помимо тематических номеров в журнале «*History and Theory*» много материалов о времени.

Вставка 3. Статьи по проблемам исторического времени, опубликованные в “History and Theory” за 2002–2016 гг.

- Spiegel G.M. Memory and History: Liturgical Time and Historical Time // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 149–162.
- Runia E. Spots of Time // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 305–316.
- Bentley M. Past and ‘Presence’: Revisiting Historical Ontology // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 349–361.
- Domanska E. The Material Presence of the Past // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 337–348.
- Pollock S. Pretextures of Time // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 366–383.
- Chekuri C. Writing Politics Back into History // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 384–395.
- Mantena R. The Question of History in Precolonial India // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 396–408.
- Rao V.N., Shulman D., Subrahmanyam S. A Pragmatic Response // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 409–427.
- Hoffmann S.-L. Koselleck, Arendt, and the Anthropology of Historical Experiences // *History and Theory*. 2010. Vol. 49. No. 2. P. 212–236.
- Mitrović B. Attribution of Concepts and Problems with Anachronism // *History and Theory*. 2011. Vol. 50. No. 3. P. 303–327.
- Vieira R.A. Connecting the New Political History with Recent Theories of Temporal Acceleration: Speed, Politics, and the Cultural Imagination of fin de siècle Britain // *History and Theory*. 2011. Vol. 50. No. 3. P. 373–389.
- Kellner H. Beyond the Horizon: Chronoschisms and Historical Distance // *History and Theory*. 2011. Vol. 50. No. 4. P. 38–50.

- History and Theory. 2012. Virtual Issue 1: The New Metaphysics of Time. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcdf775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcdf775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false).
- Forum: Multiple Temporalities // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 498–518.
- Riecken N. History, Time, and Temporality in a Global Frame: Abdallah Laroui's Historical Epistemology of History // History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 4. P. 5–26.
- Jansen H. Time, Narrative, and Fiction: The Uneasy Relationship between Ricoeur and a Heterogeneous Temporality // History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 1. P. 1–24.
- Xupeng Zh. In and out of the West: On the Past, Present, and Future of Chinese Historical Theory // History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 4. P. 46–63.
- Bouton C. The Critical Theory of History: Rethinking the Philosophy of History in the Light of Koselleck's Work // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 2. P. 163–184.
- Griffioen S. Modernity and the Problem of its Christian Past: The Geistesgeschichte of Blumenberg, Berger, and Gauchet // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 2. P. 185–209.
- Cardoso H.R. Peirce and Foucault on Time and History: The Tasks of (Dis)Continuity // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 1. P. 25–38.
- Jansen H. In Search of New Times: Temporality in the Enlightenment and Counter-Enlightenment // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 1. P. 66–90.

Тема времени – вовсе не специфический уклон в публикационной политике журнала. Картину стремительного нарастания интереса историков к анализу темпоральности мы наблюдаем и в монографическом сегменте. В середине 1990-х существовало всего несколько книг об историческом времени, написанных послевоенными историками: среди них самые известные – труды Фернана Броделя и Райнхарда Козеллека. Именно поэтому мы назвали свою книгу, опубликованную в 1997 г., «История и время: в поисках утраченного»¹³, подчеркнув тем самым, что историки не занимаются анализом темпоральных категорий, хотя справедливо считают себя специалистами по прошлому. Тогда работа с этой темой требовала прочтения огромного массива философских сочинений о времени, а также не столь многочисленных, но важных для понимания специфики исторического времени, социологических, экономических и антропологических исследований.

Бродель установил отношения истории с социологией времени и антропологией времени, а Козеллек связал темпоральность с филологией и лингвистикой, продемонстрировав замечательные примеры автономного рассуждения историка о прошлом, настоящем и будущем.

---

¹³ Савельева, Полетаев 1997.

(Интересно, что из немногих самостоятельных исторических теорий второй половины прошлого века – две важнейшие посвящены времени.) Что было после Броделя и Козеллека? Было достаточно работ, которые можно назвать запоздалым комментарием к Козеллеку. Но было и другое. Нескольким историкам, среди них Уильям Сьюэлл, Луциан Хёлшер, Франсуа Артог и Петер Фрицше – развивая Козеллека, начали историзировать концепции времени, которые прежде воспринимались как само собой разумеющиеся. Потому в начале 2000-х книги Артога о режимах историчности и Сьюэлла о механизмах исторических трансформаций¹⁴ произвели такое впечатление¹⁵. Еще в 2011 г. Крис Лоренц говорил только о «ряде историков и философов», которые в последние пару лет обращались к проблеме исторического времени «все более изощренным способом»¹⁶. Сегодня речь идет о потоке работ, в которых «все более изощренным способом», в т. ч. историки, пишут о направлениях, скоростях и ритмах истории, о механизмах периодизации и разрывах¹⁷. Динамику растущего интереса историков к концептуализации исторического времени можно проследить и по числу монографий, посвященных проблемам исторического времени с 1979 по 2016 г.

Вставка 4. Книги и тематические выпуски по проблемам исторического времени (выборка)

1979–1995

- De Certeau M. L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 2 тт. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; 2-е изд. М.: Весь мир, 2006 [1979].
- Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
- Pomian K. L'ordre du temps. Paris: Gallimard, 1984.
- Rotenstreich N. Time and Meaning in History. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co., 1987.
- Wilcox D.J. The Measure of Times Past: Pre-Newtonian Chronologies and the Rhetoric of Relative Time. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987.
- Carr D. Time, Narrative, and History. Bloomington, IN: Indiana Un-ty Press, 1991.

1996–2004

- Chesneaux J. Habiter le temps: Passé, présent, futur: esquisse d'un dialogue politique. Paris: Bayard, 1996.

---

¹⁴ Hartog 2003; Hölscher 1999; Sewell Jr. 2005.

¹⁵ А книга Луциана Хёлшера на немецком языке незаслуженно осталась незамеченной. – Hölscher 1999; См. также: Савельева, Полетаев 1997.

¹⁶ Bevernage, Lorenz 2013. P. 8.

¹⁷ См.: History and Theory 2011; Schiffman 2011; Eley 2011; Bösch 2012; Landwehr 2012; Kleinberg 2012; Assmann 2013; Multiple Temporalities (Forum) 2014; History and Theory 2015. О постколониальном подходе к множественности времен см.: Bhabha 1994; Chakrabarty 2000.

- Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999.
- Leduc J. Les Historiens et le Temps. Conceptions, problématiques, écritures. P.: Seuil, 1999.
- Raulff U. Der unsichtbare Augenblick: Zeitkonzepte in der Geschichte. Göttingen: Wallstein Verlag, 1999.
- King P. Thinking Past a Problem: Essays on the History of Ideas. London: Frank Cass Publishers, 2000.
- Rüsen J. Zerbrechende Zeit. Über den Sinn der Geschichte. Cologne: Böhlau, 2001.
- Daedalus. Theme issue on time. 2003. Vol. 132. No. 2.
- Huysen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003.
- Hartog F. Régimes d'historicité Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003.
- Fritzsche P. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Time and History / Ed. F. Stadler, M. Stöltzner. Kirchberg am Wechsel: De Gruyter, 2005.
- Forum: Histories of the Future // The American Historical Review. 2012. Vol. 117. No. 5. P. 1402–1461.

После 2004

- Forum on 'Presence' // History and Theory. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 305–375.
- De Graaff B. Op de klippen of door de vaargeul: De omgang van de historicus met (genocidaal) slachtofferschap. Amsterdam: Uitgeverij SWP, 2006.
- Davis K. Periodization and Sovereignty: How Ideas of Feudalism and Secularization Govern the Politics of Time. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2008.
- Hunt L. Measuring Time, Making History. Budapest: Central European University Press, 2008.
- Huyse L. All Things Pass Except the Past. Kessel-Lo: Van Halewyck, 2009.
- Goschler C., Rüdiger G. Europäische Zeitgeschichte seit 1945. Berlin: Akademie Verlag, 2010.
- Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / Ed. by K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter. Amsterdam: Amsterdam U.P., 2010. P. 67–105.
- Forum: The 1970s and 1980s as a Turning Point in European History? // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. No. 1. P. 8–26.
- History and Theory. Historical Distance: Reflections on a Metaphor. 2011. Vol. 50. No.4.
- Schiffman Z.S. The Birth of the Past. Baltimore, MD: Johns Hopkins U.P., 2011.
- Landwehr A. Von der 'Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 295. No. 1. P. 19–20.
- History and Theory. The New Metaphysics of Time. 2012. Virtual Issue. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1Ethan_Intro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1Ethan_Intro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false).

- Assmann A. *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munich, 2013.
- *Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future* / Ed. by Chris Lorenz and Berber Bevernage. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013.
- Forum: Multiple Temporalities // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 3. P. 498–518.

Более всего в развитии этого тренда поражает дерзкая попытка создать новую метафизику времени¹⁸, предпринятая многими авторами, в работах которых очевидна попытка уйти от акцентов на языке и репрезентации, но не возвращаться к грубому варианту объективизма или эмпирицизма, а попытаться пересмотреть саму природу прошлого и механизмы его конструирования. Конечно, главную роль здесь играют философы, но что поразительно, впервые в процессе размышлений о режимах времени активно участвуют историки. Заметим, что в отличие от традиции двух прошлых веков эти исторические труды достаточно оторваны от текущей философии времени (там эксплицитно, и тем более имплицитно, всегда обнаруживались Гегель, Бергсон или Хайдеггер). В “*History and Theory*” 1960–1970-х гг. тема времени тоже в основном была представлена философами, например, статьями Артура Данто, Патрика Новелл-Смита или Леона Голдстейна¹⁹, хотя там же в 1966 г. опубликована прекрасная статья историка Арнальдо Момильяно о не существовании «одного времени» для таких цивилизаций как иудейская и древнегреческая²⁰, а значит и для их историков.

Сейчас в качестве философских ориентиров называют Леона Голдстейна и Яна Хакинга, но их, даже имманентное, присутствие в трудах историков, посвященных времени, достаточно сложно уловить²¹. Историки уже создали собственное поле штудий темпоральности и стали ссылаться на историков. Оценка столь очевидной автономизации от философии на этом этапе еще не может быть произведена. С одной стороны, неизбежный уход от метафизического дискурса позволяет предвидеть упрощения, поскольку вопрос о природе исторического времени и, в частности, прошлого, связан с философскими вопросами о познаваемости, истине и пр. С другой стороны, как показывают великие примеры Броделя и Козеллека, никто как историк, не чувствует пластичность и неоднозначность прошлого, специфику его следов.

Активное обращение к анализу и пересмотру структур исторического времени может трактоваться как ответы на 1) постмодерное со-

---

¹⁸ *History and Theory* 2012.

¹⁹ Danto 1962; Nowell-Smith 1977; Goldstein 1977.

²⁰ Momigliano 1966.

²¹ Goldstein 1976; Goldstein 1996; Hacking 1995.

мнение в осмысленности различий прошлого, настоящего и будущего, да и любых принятых темпоральных дистинкций; 2) фокус на пролонгированном настоящем (extended present); 3) утопические мечты о модернизации в глобальном масштабе и, наоборот, 4) постколониальные нарративы сопротивления модерности²². И нельзя не заметить, что постколониальная критика и memory studies²³ много способствовали исследованию исторического времени историками. Отсюда прочерчиваются две магистральные линии проблематизации: **глобализация исторического времени и новое отношение к современности (present)**.

Важное наблюдение состоит в том, что сегодня исследования исторического времени ведутся уже не в рамках постмодернистской философии. Главный вопрос, который обычно поднимают современные мыслители, и историки в частности: как отделяют прошлое от настоящего и будущего, как конструируются и артикулируются отношения времен и переходные периоды? В пределе: есть ли «будущее» в картине мира современного человека и, если нет, то как это видоизменяет взаимозависимость прошлого и настоящего. Эти поиски конкретизировались в дискуссиях о направленности времени, образах прошлого, настоящего и будущего, темпоральных границах и соотношениях/соподчинениях между ними, исторических конструкциях темпоральных разрывов и периодизаций, политических и научных основаниях (смыслах) темпоральных разграничений.

Традиционная дихотомия, которая подвергается анализу в начале XXI в., “modern” vs “presentism”. В проекте модерна всемирная история выстраивалась как европоцентричная в линейном, гомогенном или гетерогенном времени, с такими характеристиками как прогресс, регресс, циклы, стадии, ступени, синхрония и диахрония, каузально нейтральное или каузально-эффективное время, разрывы, Sattelzeit и пр., а граница между прошлым и настоящим четко концептуализировалась²⁴. Эти представления о темпоральном единстве исторического универсума были уничтожены опытом войны и колониализма. Им на смену пришли две разные, но взаимосвязанные темпоральные модели. Одна охватывает дискретное время, в котором многие моменты настоящего следуют независимо друг от друга (каузально-нейтральное время – в терминах Савельевой, Полетаева), и в такой трактовке у каждого события настоящего есть собственное прошлое и будущее. Другая интерпретация учитывает историю ожиданий и историю памяти, которые уравнивают традицию историографии, укорененной в настоящем²⁵. Уже

---

²² Lianeri 2014.

²³ Huyssen 2003; Conan, Rouso 2009; Wole 1999.

²⁴ Савельева, Полетаев 1997.

²⁵ Lianeri 2014.

для Артога новый режим историчности означал, что на смену режиму модерности идет un présent monstre, «монструозное настоящее»²⁶. У Алайды Ассман, которая, как представляется, сильно запоздала со своей книгой²⁷, наоборот, обнаруживается не только апология презентизма, но и, особенно в финале, вопреки декларации об исчезновении будущего, звучит идея активного участия агента в формировании грядущего мироустройства. Однако сегодня на повестке дня уже другое. Тезис о режимах исторического времени модерна, предполагавший отдельность прошлого, настоящего и будущего (pastness of the past, presentness of the present) и одновременно каузальный тип их взаимозависимости (в т.ч. через цепи значимых событий), сегодня активно переоценивается и критикуется с позиций статуса исторической науки в настоящем. Новизна состоит в развитии идеи множественности времен как жизнеспособной теоретической и исторической альтернативы господствующим на протяжении долгого времени режимам темпоральности, таким как «модерн» и «презентизм»²⁸. При этом мультитемпоральность понимается не как броделианские уровни или «протяженности» (longue durée, циклическое время и время событий), связанные с социальными событиями и институтами, а как «распределенное время».

Поскольку время по Гринвичу (универсальное время всеобщей истории) отменяется (Европа провинциализируется), то времена (во множественном числе) распределяются в географическом, культурном, историческом пространствах: исламские времена, колониальные времена, постколониальные времена, революционные времена, индустриальное время, стандартизированное время, дигитальное время и т.д.²⁹. Конечно, эти времена рассматриваются в соотношении с властным дискурсом: «сосуществует множество прошлых, поскольку конституирование прошлого всегда в определенной степени зависит от социально опосредованных переговоров, вырабатывающих соответствие между описаниями и опытом»³⁰. В современных подходах к историческому времени принципиально важен агент действия. Известную фразу Йонаса Ларсена «space as performed rather than preformed»³¹ можно переформулировать: «time as performed rather than preformed».

Наглядное представление о структуре и временных координатах дает последнее издание «Кембриджской всемирной истории»³².

---

²⁶ Harto 2003. P. 217.

²⁷ Assmann 2013.

²⁸ Jordheim 2014. P. 502.

²⁹ Fillafer 2017; Ranjan 2017; Reddy 2016.

³⁰ Roth 2012.

³¹ Larsen 2005. P. 416.

³² The Cambridge World History 2015.

Вставка 5. The Cambridge World History. 7 vols. in 9 books

- Vol. 1: Introducing World History, to 10,000 BCE / Ed. by D. Christian;
- Vol. 2: A World with Agriculture, 12,000 BCE – 500 CE / Ed. by G. Barker, C. Goucher;
- Vol. 3: Early Cities in Comparative Perspective, 4000 BCE – 1200 CE / Ed. by N. Yoffee;
- Vol. 4: A World with States, Empires, and Networks, 1200 BCE – 900 CE / Ed. by C. Benjamin;
- Vol. 5: Expanding Webs of Exchange and Conquest, 500 CE – 1500 CE / Ed. by B.Z. Kedar, M.E. Wiesner-Hanks;
- Vol. 6: Pt. 1. The Construction of a Global World, 1400–1800 CE: Foundations / Ed. by J.H. Bentley, S. Subrahmanyam, M.E. Wiesner-Hanks; Pt. 2. The Construction of a Global World, 1400–1800 CE: Patterns of Change;
- Vol. 7: Pt. 1. Production, Destruction, and Connection, 1750 – present: Structures, Spaces, and Boundary Making / Ed. by J.R. McNeill, K. Pomeranz; Pt. 2. Production, Destruction, and Connection, 1750 – present: Shared Transformations / Ed. by J.R. McNeill, K. Pomeranz.

Даже в названиях томов «Кембриджской всемирной истории» мы видим принципиально иной способ деления прошлого на периоды, а именно мультитемпоральность, порожденную новым тематическим членением. Это не привычные привязанные к временной оси очерки истории Междуречья, Древнего Египта, Античности и т.д., ведущие к истории Европы, и опоясанные историями Индии, Китая и других восточных цивилизаций. Это и не «Всемирная история», состоящая из томов: «Древний мир», «Средневековые цивилизации», «Мир в раннее новое время», «Мир в XVIII веке», и т.д., где в книгах, построенных по хронологическому принципу, авторы пытаются «охватить все основные события и факты рассматриваемой эпохи и показать, что происходило примерно в одно и то же время в разных уголках земного шара»³³ (синхронизация диахронии). Вариант «Кембриджской всемирной истории» принципиально иной: это истории мировой Деревни, древнего Города, социальных сетей, политических контактов и завоеваний, производства, культурных обменов и трансферов знания, ведущих к возникновению глобального мира с его структурами, пространствами и взаимосвязями. У разных феноменов и процессов разное время.

Разрывы (разломы, смена) времен изучаются историками и как основополагающая политическая операция. Авторы показывают (или, во всяком случае, заявляют о таком намерении), что обсуждать темпоральные разрывы – значит обсуждать способность договариваться о границах прошлого, настоящего и будущего, которые актуальны в настоящем, включая границу, которая защищает дисциплинарную суверенность самих историков, сфокусированную на изучении автономной и самодостаточной прошлости прошлого (*pastness of the past*). «Историки, защищая дисциплинарные границы, патрулируют границы между прошлым

³³ Всемирная история в 6-ти томах. Т. 3. 2015.

и настоящим, потому что именно эта дистинкция легитимирует их профессию»³⁴. Авторы метафоры о патрулировании темпоральных границ Крис Лоренц и Бербер Биверидж остроумно развивают ее, иронизируя по поводу непоследовательности историков, претендующих на нейтральность наблюдателей, в следующем пассаже:

«...примеры также показывают, что историки, весьма недвусмысленно провозглашая необходимость в ‘пограничной службе’, куда менее ясно высказываются по поводу того, в чем на самом деле должна состоять эта охрана границ и как относится к самим границам, которые историки патрулируют. В самом деле... из их аргументов непонятно, применим ли к ним самим образ наблюдателей, глядящих поверх границ существующих ‘суверенных’ государств, или образ активистов, агрессивно участвующих в политике репатриации, подобных тем, кто намеревается защищать ‘крепость Европы’ против ‘нелегальных’ мигрантов, или перекраивать границы, создавая новые государства... Когда дело доходит до соотнесения прошлого и будущего, историки все очевиднее мечутся между подчеркнуто созерцательной и активной позициями, в одних случаях определяя свою задачу как ‘понимание’ дистанции между прошлым и настоящим, в других же описывая свою задачу как ‘установление дистанции’ (‘putting the past at a distance’)»³⁵.

Исследователи различают темпоральные режимы для исторической памяти и научного исследования, как и для разных ареалов глобального мира, для событий и процессов прошлого. Множественные линии водоразделов предполагают мультитемпоральность, и в целом все это означает, что общее время модерна завершилось. Исследования и дискуссии о разных способах концептуализации множественных времен в терминах несинхронности, уровней времени, природного и исторического времени сопровождаются попытками проследить, как эти множественные времена в разные периоды истории могут сравниваться, объединяться и адаптироваться посредством искусных и сложных концептуальных и материальных “практик синхронизации”³⁶.

К темпоральной проблематике можно отнести и вопрос о хранилищах «прошлого», прежде всего, об архиве, который тоже был радикально реконцептуализирован в прошедшие несколько десятилетий³⁷. Размышления о том, чем является «архив» для историка, что за прошлое хранится там на самом деле, были инициированы М. Фуко: введенной им философской метафорой «архив» и его великими примерами открытия и реконструкции «забытых мест» взаимодействия знания и власти (клиника, тюрьма, дом умалишенных). Проблематизировав «архив» в расширительном смысле и заставив историков задуматься о фундаментальных основаниях познания прошлого, Фуко спровоцировал и

---

³⁴ Bevernage, Lorenz 2013. P. 22.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Jordheim 2014. P. 498.

³⁷ Steedman 2002; Archives, Documentation... 2006; Blouin, Rosenberg 2011.

переосмысление природы эмпирического «архива» – места физического хранения свидетельств прошлого. Новому взгляду на архив, конечно, способствовала и общая релятивизация знания, утверждение идеи конструктивизма, равно как и открытие колониальных архивов постколониальными историками, которые наглядно увидели «дискурс власти» в селекции подлежащих хранению документов³⁸. Стало очевидным, что реально существующие архивы, с какой бы целью и на каком уровне они бы ни создавались, не представляют собой нейтральных хранилищ доступных остатков прошлого, как это подразумевалось презумпцией объективистской науки. Но их наполнение нельзя интерпретировать исключительно в логике властного дискурса. Напротив, архивы представляют собой удивительно пристрастные по интенциям и одновременно случайные собрания, они организованы по разнообразным программам и принципам селективности, отдающим приоритет одним документам, не принимающим во внимание другие и трансформирующим третьи. О сочетаниях преднамеренности и случайности в отборе и поиске архивных документов хорошо писала Кэролайн Сидмен:

«Архив состоит из тщательно и сознательно отобранных свидетельств прошлого, но также и из сумасбродных фрагментов, которые никто не собирался сохранять, но которые тем не менее закончили там свой путь... Одни документы индексируются и каталогизированы, другие нет, а третьи потеряны в недрах архива. И все это лежит там как материалы, пока их не прочитают, не используют и не превратят в нарратив»³⁹.

Приведенный отрывок – хорошее свидетельство в пользу реально го подхода, далеко отстоящего от метафоры Фуко. По существу, Сидмен уже довольно давно сказала о том, что архивы в той же мере разрушают и деформируют прошлое, в какой сохраняют его, и произвольность «хранения прошлого» далеко не абсолютна.

Наконец, продолжая тему исторического времени, нужно упомянуть направление *Big History* (универсальная история)⁴⁰, претендующее не только на «весь мир», но и на «все время», т.е. на время за пределами социального – «время Земли». Это направление тоже утвердилось в исторической дисциплине в последние десятилетия и быстро активизируется. Благодаря дигитализации, появилась возможность обрабатывать огромные массивы данных, а развитие технических процедур хронометрии позволяет датировать не только феномены предыстории, но и данные палеонтологии, геологии и даже космологии с точностью, ранее возможной только в отношении цивилизаций⁴¹. В хронологическом

---

³⁸ Stoler 2009.

³⁹ Steedman 2002. P. 68.

⁴⁰ См.: Spier 1996; Spier 2008. P. 1–12; Christian 2004; Brown C.S. 2007; Chaisson 2006; *The Evolutionary Epic: Science's Story and Humanity's Response* 2009.

⁴¹ Christian 2010. P. 18.

смысле быть доисторическим больше не означает быть а-историческим. Тем самым, пусть и в узкой области, но происходит смена смысла истории в значении знания, выработанного в период модерна (история как знание о прошлой *социальной* реальности) и возвращение к временам, когда история осмысливалась как знание о природной и социальной реальности (правда, и божественной, но здесь речь не об этом). Сегодня существует уже и специализация по Big History, и международная ассоциация (International Big History Association)⁴², и основатель (Дэвид Кристиан), и свои классики, и свои праотцы, и методы исследования, и методики обучения. Ну, а уж междисциплинарна универсальная история дальше некуда, поскольку использует беседы и методы из естественных и точных наук. Утверждению ее, бесспорно, способствуют историзация естественных наук и оживление эволюционных подходов, неodarвинизм, трактующий культурную эволюцию как в значительной степени биологическую эволюцию, хотя и не сводимую к ней. Но я бы сказала, повторяя с другим акцентом название книги Д. Кристиана, что пока *Big History* остается между Всем и Ничем⁴³.

***

В начале статьи я зафиксировала возвращение к большим темам исторической науки и назвала некоторые из них, остановившись подробнее, хотя все равно по необходимости бегло, на новациях в интерпретации исторического времени. Ведь понимание исторического времени, его режимов, структуры, ритма и темпа, задает матрицу для работы историка с любым материалом. Как писал Ф. Бродель: «Историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени. Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника»⁴⁴. Дискуссии о темпоральности, соответствующие представлениям современного мира, открывают новые перспективы для ответов на «большие вопросы», к которым историки, кажется, снова почувствовали вкус.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] / Философия и методология истории. Сб. Переводов / Ред.: И.С. Кон. М.: Прогресс. 1977. С. 115–142. [Braudel F. Istorija i obshhestvennye nauki. Istoricheskaja dlitel'nost' [1958] / Filosofiya i metodologiya istorii. Sbornik perevodov. Red.: I.S. Kon. M.: Progress.]
- Всемирная история в 6-ти томах. Т. 3. Мир в раннее новое время / Ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука. 2015. [Vsemirnaya istoriya v 6-ti tomah. T. 3. Mir v rannee novoe vremya / Red. A.O. Chubar'yan. M.: Nauka. 2015]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг. 2011. [Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011]

---

⁴² <http://www.ibhanet.org/>

⁴³ Christian, Brown, Benjamin 2014.

⁴⁴ Бродель 1977 [1958] С. 134.

- Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24. [Savelieva I.M. Istoricheskaya nauka v XXI veke: klyucheveye slova // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 58. S. 5–24]
- Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53. [Savelieva I. M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskij frontir // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 38. S. 25–53]
- Савельева И.М., Полегаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. [Savelieva I.M., Poletaev A.V. Istorija i vrenja: v poiskah utračennoĝo. M.: Jazyki russoj kul'tury. 1997]
- A conversation about the past, present and future of the «History and Theory» Journal. URL: <https://vimeo.com/36502249>.
- Archives, Documentation and Institutions of Social Memory / Ed. by F.X. Blouin, W.G. Rosenberg. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006.
- Assmann A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013.
- Bevernage B., Lorenz C. Introduction // Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Ed. by C. Lorenz, B. Bevernage. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013. P. 7–38.
- Bhabha H. The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.
- Blouin F.X., Rosenberg W.G. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
- Bösch F. Umbrüche in die Gegenwart: Globale Ereignisse und Krisenreaktionen um 1979 // Zeithistorische Forschungen. 2012. Bd. 9. No. 1. P. 8–32.
- Boyd K., McWilliam R. Historical Perspectives on Class and Culture // Social History. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 93–100.
- Brown C.S. Big History: From the Big Bang to the Present. N.Y.: The New Press, 2007.
- Chaisson E. Epic of Evolution: Seven Ages of the Cosmos. N.Y.: Columbia Un-ty Press, 2006.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Christian D. “Maps of Time”: An Introduction to “Big History”. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. 2010. V. 49. No. 4. P. 6–27.
- Christian D., Brown C.S., Benjamin C. Big History: Between Nothing and Everything. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2014.
- Conan E., Rousso H. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris, 1994.
- Danto A. Narrative Sentences // History and Theory 1962. Vol. 2. No. 2. P. 146–179.
- Davis N.Z. A Life of Learning // American Council of Learned Societies Occasional Paper. 1997. Vol. 39. P. 1–26.
- Easthope A. Romancing the Stone: History-Writing and Rhetoric // Social History. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 235–249.
- Eley G. The Past under Erasure? History, Memory, and the Contemporary // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 44. No. 3. P. 555–573.
- Eley G., Nield K. Starting Over: The Present, the Post-Modern and the Moment of Social History // Social History. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 355–364.
- Eley G.A. Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
- Fillafer F.L. A World Connecting? From the Unity of History to Global History // History and Theory. 2017. Vol. 56. No. 1. P. 3–37.
- Goldstein L. Historical Knowing. Austin: University of Texas Press, 1976.
- Goldstein L. History and the Primacy of Knowing // History and Theory. 1977. Vol. 16. No. 4. P. 29–52.
- Goldstein L. The What and the Why of History. N.Y.: Brill, 1996.
- Hacking I. Rewriting the Soul. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Hartog F. Regimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003.

- History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 4.
- History and Theory. Historical Distance: Reflections on a Metaphor. 2011. Vol. 50. No. 4.
- History and Theory. The New Metaphysics of Time. 2012. Virtual Issue 1. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false)
- Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999.
- Huysse L. All Things Pass Except the Past. Kessel-Lo: Van Halewyck, 2009.
- Huysen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford, CA: University of California Press, 2003.
- Jordheim H. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 3. P. 498–518.
- Joyce P. History and Post-Modernism // American Historical Review. 1991. Vol. 133. No. 4. P. 204–209.
- Joyce P. The End of Social History? // Social History. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 73–91.
- Joyce P. The End of Social History? A Brief Reply to Eley and Nield // Social History. 1996. Vol. 21. No. 1. P. 96–98.
- Joyce P. The Imaginary Discontents of Social History: A Note of Response to Mayfield and Thorne, and Lawrence and Taylor // Social History. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 81–85.
- Judt T.A. Clown in Regal Purple: Social History and the Historians // History Workshop Journal. 1979. Vol. 7. P. 66–94.
- Kelly C. History and Post-Modernism, II // American Historical Review. 1991. Vol. 133. No. 4. P. 209–213.
- Kirk N. History, Language, Ideas and Post-Modernism: A Materialist View // Social History. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 221–240.
- Kleinberg E. The New Metaphysics of Time // History and Theory. 2012. Virtual Issue 1. [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false)
- LaCapra D. Tropisms of Intellectual History // Rethinking History. 2004. V. 8. No. 4. P. 499–529.
- Landwehr A. Von der ‘Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen’ // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 295. No. 1. P. 19–20.
- Larsen J. Families Seen Sightseeing: Performativity of Tourist Photography // Space and Culture. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 416–431.
- Lawrence J., Taylor M. The poverty of protest: Gareth Stedman Jones and the Politics of Language – a Reply // Social History. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 1–15.
- Lerner G. Living with History / Making Social Change. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009.
- Lianeri A. Resisting Modern Temporalities: Toward a Critical History of Breaks in Time // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 603–615.
- Mayfield D., Thorne S. Reply to ‘the Poverty of Protest’ and ‘the Imaginary Discontents’ // Social History. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 219–233.
- Mayfield D., Thorne S. Social History and Its Discontents: Gareth Stedman Jones and the Politics of Language // Social History. 1992. Vol. 17. No. 2. P. 165–188.
- Momigliano A. Time in Ancient Historiography // History and Theory. 1966. Vol. 5. B. 6. P. 1–23.
- Multiple Temporalities (Forum) // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 498–518.
- Ranjan R. Postcoloniality and the Two Sites of Historicity // History and Theory. 2017. Vol. 56. No. 1. P. 38–53.
- Ranke L. von. Weltgeschichte. 9 Teile in 16 Banden. Leipzig: Duncker & Humblot, 1881–1888.
- Reddy W.M. The Eurasian Origins of Empty Time and Space: Modernity as Temporality Reconsidered // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 3. P. 325–356.
- Roth P.A. The Pasts // History and Theory. 2012. Vol. 52. No. 3. P. 313–339.
- Schiffman Z.S. The Birth of the Past. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2011.
- Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 1053–1075.

- Sewell Jr. W.H. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Spiegel G.M. *France for Belgium // Why France? American Historians Reflect on an Enduring Fascination* / Ed. by L.L. Downs, S. Gerson. Ithaca, NY: Cornell U.P., 2007. P. 89–98.
- Spiegel G.M. *History and Post-Modernism, IV // American Historical Review*. 1992. Vol. 135. No. 2. P. 194–208.
- Spier F. *Big History: The Emergence of a Novel Interdisciplinary Approach // Interdisciplinary Science Reviews*. 2008. Vol. 33. No. 2. P. 1–12.
- Spier F. *The Structure of Big History: From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996.
- Steedman C. *Dust: The Archive and Cultural History*. New Brunswick, N.J.: Rutgers U.P., 2002.
- Steedman C. *Landscape for a Good Woman: A Story of Two Lives*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1986.
- Steinberg M.W. *Culturally Speaking: Finding A Commons between Post-Structuralism and the Thompsonian Perspective // Social History*. 1996. Vol. 21. P. 193–214.
- Stoler A.L. *Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Stone L. *History and Post-Modernism // Past and Present*. 1991. Vol. 131. No. 2. P. 217–218.
- Stone L. *History and Post-Modernism, III // American Historical Review*. 1992. Vol. 135. No. 2. P. 189–194.
- The Cambridge World History*. 7 vols. in 9 books / Ed. by M.E. Wiesner-Hanks. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- The Evolutionary Epic: Science's Story and Humanity's Response* / Ed. by C. Genet, B. Swimme, R. Genet, L. Palmer. Santa Margarita, CA: Collins Foundation Press, 2009.
- Vernon J. *Who's Afraid of the 'Linguistic Turn'? The Politics of Social History and Its Discontents // Social History*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 81–97.
- Wole S. *The Burden of Memory, the Muse of Forgiveness*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, ординарный профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; isavelieva@yandex.ru

History and Theory: “Return to the Real”

The theory of history is again undergoing yet another transformation. Linguistic and cultural turns have occurred and have been completed. A new paradigm which, with certain precaution, could have been named “back to reality” is on its way. The ongoing metamorphose of epistemological foundations is characterized by unprecedented interest of historians to the problems of historical time. At the same time, this change allows a discussion not only about considerably new vision of historical time but also that of historical space. In the first part of this article we discuss several indicators of radical innovations in the theoretical history which occurred just in the past few years. In the second part we analyze new approaches to historical time.

Keywords: “return to the real”, history and theory, realism, antirealism, historical time, modern, past, multitemporality

Irina Savelieva, Prof. of History, Director of the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow), Russian Federation, Visiting Professor, Faculty of Artes Liberales University of Warsaw